

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

Социологическая трилогия Александра Зиновьева

Аннотация. В статье даётся сжатый очерк социологии выдающегося русского мыслителя А.А.Зиновьева, сфокусированный на её трёх ключевых учениях: коммунизм как реальность, западнизм, глобальный человек. Показана взаимосвязь этих учений, раскрывающих в своей целостности логику современных общественных процессов в России и мире. Разработанный Зиновьевым социологический аппарат позволил ему изучить советский коммунизм и общество западнистского типа с такой степенью точности и объективности, которые неизбежно придают его исследованиям характер социальной критики и требуют в качестве дополнения особой этически ориентированной антропологии. Само движение современных обществ к единому глобальному сверхобществу философ рассматривает как социомеханическую деградацию индивидов до насекомоподобного состояния.

Ключевые слова: коммунизм как реальность, западнизм, глобальный человек, общество и сверхобщество, будущее, моральный идеал.

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) как автор считается сатириком, а основное прославившее его произведение «Зияющие высоты» – карикатурой на советское общество. Однажды в ходе беседы с ним я, следуя этому распространённому мнению, назвал его взгляд на мир сатирическим. Он однозначно и твёрдо возразил, сказав, что в нём нет ничего сатирического, своё понимание реальности он назвал научным, а утверждения, в какую бы форму они ни облекались, изображают вещи такими, какие они суть на самом деле. Вспомнил этот врезавшийся в память разговор в связи с тем, что сочинение Зиновьева «Глобальный человек», в котором он предлагает своё видение будущего, Википедия клиширует как «фантастический роман-антиутопию». Если принять во внимание, что утопия буквально означает несуществующее место, то антиутопия как двойное отрицание должна означать нечто вполне реальное. Сам Зиновьев назвал своё сочинение социологически-футурологической повестью; в нём дана картина социальной жизни объединённого человечества в будущем, в условиях всемирно-исторического торжества западной цивилизации. Он считает эту картину вполне реальной в той мере, в какой будущее вытекает из прошлого, является его продолжением и отрицанием, и не случайно для

её характеристики употребил понятие футурологии (суждения о будущем, как замечал Зиновьев, полнее верифицируемы и потому более научны, чем суждения о прошлом). Об антиутопии здесь можно говорить только в том смысле, что для самого автора такое будущее, которое он как добросовестный исследователь описывает, является нежелательным. Вот как Зиновьев определил основную идею «Глобального человеенника»: «Наш XX век был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но, несмотря ни на что, он был веком человеческих страстей и переживаний – веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти... Это был, может быть, последний человеческий век. На смену ему надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти.» [4, 9].

Зиновьев – человек ренессансного типа. В своём поколении и ближайшем окружении он является, пожалуй, наиболее разносторонним отечественным мыслителем: философ, логик, социолог, писатель, поэт, художник. Это – само по себе редкое явление в наше время узкой профессионализации. Оно является только внешним аспектом ренессансности. Более существенно то, что эти различные занятия, взаимно дополняя и переходя друг в друга, были соединены в цельное мировоззрение, которое он, вынеся в заглавие своей итоговой монографии, обозначил как фактор понимания. Он с детства почувствовал то, с чем сталкиваются индивиды во все времена, но что особенно остро обнаруживалось в условиях советского строя: с расхождением между тем, что люди говорят, к чему они на словах стремятся, чему их учат книги, и тем, что они на самом деле делают, какие реальные цели преследуют и чего они сами стыдятся – между высокими чистыми идеалами и низкой грязной повседневностью. Он, как пишет сам в автобиографии «Исповедь отщепенца» и как подтверждает вся его жизнь бунтаря и «вопрекиста» (по определению А.И. Фурсова), не мог, не хотел с этим мириться. Он не хотел отказываться от идеалов и не хотел погрязнуть в трясине жизни. Но как соединить одно с другим, как прожить жизнь с открытыми глазами и гордо поднятой головой, как говорить и действовать с пониманием того, что ты говоришь и делаешь, – вот что стало страстью и целью его существования. Так определилась стезя его жизни в той мере, в какой она зависела от него, его собственных усилий и решимости: учиться, думать, чтобы понять жизнь, которой живут люди, и обще-

ство, в котором они живут. Зиновьев любил говорить, что его не прельщают богатство, власть, удовольствия, что его амбиция – это амбиция исследователя. Он исследовал, проверяя на истинность всё, что делал. Он избрал судьбу истинного философа и развивал учения, которые в качестве неперемного условия имели также для него самого нравственно обязывающий смысл. Известна его знаменитая формула: «Я есть суверенное государство». Не присвоить себе то, из чего состоит государство, а построить своё государство из того, что с его точки зрения достойно этого. Разные занятия, которыми занимался Зиновьев, были разными формами, аспектами его суверенного государства. Его книги, статьи, стихи, рисунки, интервью, лекции всегда отличались публицистической заостренностью, являлись не столько академическими текстами, сколько злободневными общественными поступками. Зиновьев был человеком ренессансного типа, прежде всего, своим знающим героическим противостоянием миру.

Сказанное относится и к проекту будущего, которое он разработал во второй половине 90-х годов прошлого века и изложил в сочинении «Глобальный человек». В нём интеллектуальная проницательность органично соединилась с личным мужеством. Чтобы во всей конкретности понять глобальный футурологический проект Зиновьева, его надо рассматривать в общем контексте его творчества и биографии. Он находится в ряду его социологических исследований, которому предшествовали, если брать ключевые вехи, «Коммунизм как реальность» (1981) и «Запад. Критика западнизма» (1995). Но прежде следует сделать одно важное методическое замечание.

Здесь позволю себе еще одно личное воспоминание. Однажды, когда при обсуждении вопроса о лучших философских книгах речь зашла о Зиновьеве, одному маститому отечественному социологу задали вопрос о том, как к Зиновьеву относятся социологи. Тот сказал: «В социологии нет такого имени». Ответ был, мягко выражаясь, обескураживающим, в особенности, если учесть, что в своё время Зиновьев был номинирован выдающимся социологом Раймоном Ароном на премию имени Алексиса де Токвиля и получил её. И всё-таки наш маститый социолог по-своему был прав. Когда мы говорим о социологии Зиновьева, следует иметь в виду, что речь идёт о его собственной теории, которую он именовал логической социологией и которая совершенно не похожа на то, что под названием социологии преподаётся в университетах и фигурирует в обществе в качестве дипломированного занятия. В частности, его социология является одновременно учением о человеке, она получает продолжение и выражение в том, что обычно именуется философской антропологией (хотя сам он не пользуется этим обозначением). Социология, как её

понимает Зиновьев, имеет совершенно строгий предмет: она занимается объединениями (целостностями) многих людей, которые функционируют по строгим законам. Эти законы в их самом общем и фундаментальном виде определяются тем, что речь идёт об объединении многих, именно многих (больших) масс людей, которые для того, чтобы совместно действовать, внутренне организуются по жёстким законам, в частности, необходимо выстраиваются во властную иерархическую структуру и подразделяются на группы господствующих и подчиняющихся. Соответственно социология имеет дело с индивидами как социальными субъектами, рассматривая их в аспекте включенности и принадлежности к социальным объединениям, с точки зрения тех качеств, которые им необходимы в рамках данных объединений. Общие законы, на которых базируются социальные объединения, каковыми бы в своём конкретном содержании и человеческом наполнении они ни были, являются такими же естественными, как и природные законы: Зиновьев законы социальности называет законами экзистенциального эгоизма.

Люди, конечно, помимо того и наряду с тем, что они социальные существа, являются ещё и разумными созданиями; это не меняет естественного характера социальных законов, только делает их более жёсткими и неотвратимыми, придаёт форму рационального расчёта. Разум не обладает автономностью по отношению к социальности, наоборот, он вторичен. Отношения власти, господства и подчинения как несущая конструкция социальности и справедливого распределения благ внутри социума являются в такой же мере источником поддержания целостности человеческих объединений, в какой и их разрушения. Право, мораль, другие осознанные ограничения законов социальности, сами оказываются их дополнительными усиливающими факторами. Разум как инстанция, выступающая от имени истины и образующая самостоятельный фактор понимания, может корениться в социальности только в качестве заложенного в ней самой момента отрицания; соответственно наиболее адекватным ему носителем может быть индивид, выступающий в маргинальной роли социального отщепенца (своё автобиографическое сочинение он так и назовёт «Исповедь отщепенца»). Словом, Зиновьев не признавал существенного разделения, тем более противопоставления, общества и личности, социальных интересов и доброй воли индивидов; его диалектический ум парадоксалиста не видел противоречия между тем, что законы общества объективны и в то же время являются результатами деятельности людей, они потому и тем больше являются объективными, что и чем больше они сознательны и управляемы. Его монография «Коммунизм как реальность» полу-

чает продолжение и завершение в повести «Гомо советикус», а «Глобальный человек» – в учении о сверхчеловеке.

Зиновьев создал собственную социологическую теорию для того, чтобы научно осмыслить своё общество и свою эпоху. Он был совершенно не удовлетворён официально предлагающимся и общепринятым объяснением, согласно которому советский строй создаётся в соответствии с безупречным коммунистическим учением, а имеющиеся в нём разнообразные общественные и человеческие пороки являются отступлениями от него, всего лишь ошибками и недостатками. Следовательно, делался вывод: задача советских людей состояла в том, чтобы подтягивать реальность до идеала. Такой подход может соответствовать субъективным желаниям людей, их надеждам, чьим-то интересам, но не является научным, который предполагает и требует выводить сознание из бытия, а не наоборот. И Зиновьев обозначил принципиально другой, чем утверждала официальная идеология, взгляд, согласно которому советское общество в своей основе и есть коммунизм, тот реальный коммунизм, каким он только и может быть. И иного не бывает. Советский строй по многим параметрам, в том числе по таким существенным, как роль государства, разделение людей по критериям богатства, власти, отличается от того, что связывали с идеей коммунизма его учителя, но из этого логично сделать вывод, что ошибались последние, но не само общество, не социальная реальность. Именно такой вывод и сделал Зиновьев. Жизнь, будь то отдельного индивида или отдельных обществ, – это не диктант, не изложение, тем более не черновик, она не делается под диктовку или по памяти, она пишется (создаётся) теми, кто живёт, и пишется сразу набело.

Первым и основным приложением общей социологии Зиновьева, описывающей базовую конструкцию, своего рода архитектуру социальных объединений, стало советское коммунистическое общество, для изучения которого он её и создал. Картина советского коммунизма, воссозданная им в целом ряде социологических романов и повестей, в систематическом виде изложенная в исследовании «Коммунизм как реальность», является на сегодняшний день единственной концептуально законченной теорией советского общества как исторического явления и социальной реальности. Замечательная особенность этой картины заключается в том, что для обоснования её исторической фундаментальности автору совсем не пришлось её приукрашивать: наоборот она, подобно творениям современных художников, прекрасна именно своей почти карикатурной уродливостью. Понять, видимо, это могут только те, кто нарисован на этих картинах, кто жил в этом обществе. Тем, кто смотрит со стороны, не да-

но знать, что значит быть уродом в физическом, но в особенности в социальном смысле. Только уроды могут по-настоящему понять, почувствовать всю невозможность и всю прелесть существования в качестве уродов. Например, советское общество соединилось убеждением, что советское – значит лучшее, и люди лучше, и вещи лучше, чем где бы то ни было; конечно, люди они, что вещи, которые делают в капиталистических странах, часто и даже как правило, бывают лучше, но это ничуть не опровергало общего убеждения. Со мной на курсе учился итальянский коммунист, который говорил, что им, итальянским коммунистам, иногда трудно поддерживать лозунг «всё советское – лучшее», в частности, когда речь идёт об итальянских велосипедах, которые славятся на весь мир. У советских людей таких сомнений не было, ибо их убеждение – не результат эмпирических наблюдений, а предпосылка, «аппарат» восприятия этих наблюдений. Разве можно основы такого общества исследовать иначе, как в форме сатиры, и разве можно видеть в сатире нечто иное, чем самый глубокий реализм и точный научный метод. Можно считать удачей и нам надо быть благодарным Зиновьеву, что он придумал не только оригинальную теорию советского коммунизма, но и адекватный для его изображения жанр социологического романа.

Важный, быть может, с научной точки зрения самый ценный социологический результат зиновьевских штудий советского общества состоит в том, что социальная утопия в форме совершенного общества невозможна. Нужно различать совершенство общества в социологическом (полнота функций, их внутренняя организация, эффективность и т.д.) и в этическом аспектах. Общество совершенным (соответствующим своему понятию, идеально сконструированным) в социологическом смысле возможно. Но его не может быть по моральным критериям. Идеальным общество быть не может. Идеал есть индивидуальный способ существования, он возможен только в обществе, в социуме, но в форме и в качестве условия его отрицания. Коммунистический идеал был сформулирован ещё в эпоху Возрождения, уточнён и заимствован коммунистами XIX века, в том числе Марксом и Энгельсом, воплотил в себе вековые моральные чаяния людей; став идеологией советского государства, он обнаружил свою несовместимость с законами социальности, подобно тому, как желание свободно летать несовместимо с законом тяготения. Стремление воплотить коммунистический идеал в реальность трансформируется в общество советского типа. Идеального коммунистического общества не может существовать, идеальными коммунистами могут стать отдельные индивиды, но не иначе, как в форме изгоев такого общества. «В миропонимании Зиновьева нет ничего более далёкого друг

от друга, чем мораль и социальность. И нет ничего более связанного друг с другом. Они напоминают двух сцепившихся борцов, которые держатся на ногах только благодаря своим усилиям повалить друг друга» [1,365].

Несмотря на уничтожающую критику советского коммунизма, которая, как он сам признавал задним числом в последние годы, невольно способствовала его разрушению, Зиновьев как человек не желал и, самое главное, как исследователь не предполагал такого исхода. Он не хотел краха советского государства. Вот его слова: «Свои литературные произведения писал, будучи уверен, что коммунистический режим пришел в Россию навечно» [2]. Это было не только эмоциональное ощущение гражданина, воспринимающего социальную атмосферу столь же органично, как тело воспринимает природную атмосферу, это было также убеждение учёного, знающего, что «тип цивилизации незыблем» [3,17] (из «Зияющих высот» мы узнаём, что весь мир становится Ибанском, а сменяющим друг друга Заибанам несть числа). Когда, тем не менее, невозможное стало возможным и советский коммунизм начал рушиться, Зиновьев почувствовал грозящую катастрофу и, когда весь мир, в том числе и прежде всего, все прогрессивные представители коммунистического мира, наполнявшие страницы его произведений, млели от Перестройки, он забил тревогу и назвал последнюю Катастройкой. Молодой Зиновьев был антисталинистом, после смерти Сталина он перестал его ругать, сказав, что мёртвого льва может лягнуть даже осёл. Точно также он изменил острие своего анализа советского коммунизма. Еще в романе «Светлое будущее» (издан в 1978 году, вслед за «Зияющими высотами») его герой говорит: «Случись что — я до последней капли крови буду защищать эту страну и этот строй жизни. Я не хочу возвращаться назад. Я хочу идти вперед, принимая случившееся как бесспорный факт. Критика коммунизма на почве коммунизма не есть борьба против коммунизма» [6, 220]. Это случилось. Для того, чтобы лучше разобраться в том, что произошло, он обратился к изучению Запада. У Зиновьева к этому времени, уже более 15 лет жившего на Западе, мог сложиться и личный (автобиографический) интерес к нему, но основной его мотив, насколько могу предположить, был научный, социологический, связанный с судьбой советского строя и русского народа.

Запад в своей основе следует тем же законам социальности, которые свойственны и реальному коммунизму, но только с тем отличием, что он развил другую линию эволюции. Чтобы выделить эти различия в эволюционном развитии общества, Зиновьев, наряду с понятием общества, ввёл отличное от него понятие «человеиник»,

которое обозначает свойственный homo sapiens способ совместного (стайного, стадного, насекомоподобного) существования. Ассоциация с муравейником является в данном случае вполне содержательной. Человейники в своей социальной организации проходят три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Предобщество нам известно как родоплеменная организация, степень его спаянности и сложности ограничены естественными родственными связями. Таких предобществ много. Они переходят на стадию общества путём выделения власти как особой структуры, которая доминирует над остальной массой и обеспечивает более широкую и прочную, гарантированную основу существования человеичников. Одновременно в обществе выделяются относительно самостоятельные аспекты социальной жизни: коммунальный, деловой и менталитетный. Они, будучи продолжением и результатом власти, находятся в сложных и противоречивых отношениях с нею. Обществ уже значительно меньше, чем предобществ. Общества существуют в форме разных типов цивилизаций. Они как социумы еще несут на себе следы природных различий и формируются в том числе в зависимости от составляющего их основу человеческого материала – его Зиновьев называл человеческим фактором и, придавая ему огромное значение, рассматривал не только как предпосылку социальной организации общества, но и как её результат.

К тому времени, когда Зиновьев начал исследовать жизнь человека и человеичников, общество начало переходить на стадию сверхобщества. Понятие сверхобщества в том содержании, которое оно имеет у Зиновьева, остаётся до конца не прояснённым. Одно, однако, ясно: то, что составляло социальное ядро общества, а именно государство и экономика (частная собственность прежде всего), и было представлено в том или ином конкретном локальном варианте, на уровне сверхобщества получает универсальное (глобальное) выражение. Государство становится сверхгосударством, экономика – сверхэкономикой. Реальный коммунизм был первой формой сверхобщества, которое максимально развило интегрирующую роль власти на базе гипертрофии коммунального начала человеческого бытия и декларировало себя в качестве глобального проекта всемирного (интернационального) братства людей. В противовес и в борьбе с ним сложилась другая линия эволюционного перехода к сверхобществу, которую Зиновьев назвал «западнизмом». Западнизм сделал ставку на соединение силы власти в качестве своей опоры с деловым аспектом общественного бытия. Западнизм – не капитализм, а нечто худшее, ибо он ориентацию на экономическую прибыль заменяет всепроникающим денежным тоталитаризмом, а

социальное творчество индивидов – общей сетью рационально распределённых и предельно упрощённых социальных функций. Зиновьев выделяет всего эти две линии на пути к сверхобществу: коммунизм и западнизм. Они противостоят друг другу как односторонности, претендующие на целое: при коммунизме специфическими законами жизнедеятельности становятся социальные законы в их преимущественном (подавляющем) коммунальном (человеческом, слишком человеческом) аспекте, а при западнизме – те же законы, но в деловом (бессердечном, сверхчеловеческом) аспекте. Их непримиримая борьба составила содержание холодной войны между Западом во главе с США и коммунистическим миром во главе с СССР, стала фокусом и основным стержнем всех событий в мире во второй половине XX века (после окончания Второй мировой войны в 1945 г.). Эта война закончилась победой западнизма над коммунизмом, ставшая одновременно победой Западных стран над странами коммунистического блока и разрушением их «первого храма» – СССР, о чём Зиновьев сказал, словно выстрелил: «Целились в коммунизм, попали в Россию».

Так человечество вступило в новую эпоху, социальное качество которого Зиновьев обозначил понятием «глобальный человек». Марксистская теория прокламировала коммунизм как начало подлинной истории. Либеральная социология победу Запада в холодной войне охарактеризовала как конец истории. По Зиновьеву, с победой западнистского сверхобщества человечество вступило в будущее: глобальный человек – это и есть состоявшаяся история. Здесь следует иметь в виду особое место историзма в зиновьевской социологии. Историзм в собственном смысле слова как методологический принцип, объясняющий развитие общества, был чужд Зиновьеву. Он считал социальные законы такими же неизменными, как и законы природы. Так он понимал их объективность и научность. Об историзме социальных объединений можно говорить в смысле их складывания (генезиса, становления), которое происходит мгновенно, в такие краткие сроки, которые по сравнению со временем их существования в социологическом плане можно игнорировать как ничтожные. Сама же жизнь этих объединений (человекчиков) протекает в соответствии с одними и теми же раз возникшими законами социальности. Выделенные в существовании человекчиков стадии (формы) предобщества, общества и сверхобщества отличаются не различием социальных законов, а полнотой их развёртывания, степенью соответствия реальному образу жизни конкретных человеческих объединений. В этом движении от многих (практически бесчисленных) предобществ через немногие (исчислимые) типы обществ к единому гло-

бальному сверхобществу и состоит то, что можно назвать историзмом социологии Зиновьева. Историзм является в социологии вторичным и второстепенным моментом.

Здесь опять-таки следует сделать одно важное уточнение: Зиновьев различал время физическое и социальное [9, 452-521]. Физическое время фиксирует сам факт существования вещей (индивидов и их объединений) на шкале времени, является чистой хронологией и ничего не говорит о самих вещах. В аспекте физического времени прошлое есть время, предшествующее тому мгновению, от которого ведётся отсчёт и которое является настоящим, а будущее – время, следующее за ним. Само же настоящее есть эта невидимая (не имеющая измерения) *линия*, отделяющее прошлое от будущего. Социальное время в отличие от физического – представляет собой само бытие вещей (социальных субъектов и объединений) во времени. В нём настоящее является базовым. Социальная реальность и есть работающая, наличная реальность. Она существует как настоящее. Социальное настоящее включает также и прошлое, и будущее. Собственно, только для социального бытия и имеет смысл само разделение времени на эти три части. Для социального субъекта настоящее уходит и в прошлое, поскольку он удерживает его в своей памяти, мотивах, традициях, ритуалах и т.д., и в будущее, поскольку он его предсказывает, проектирует, вбивает в планы и т.д. В рамках социального времени прошлое и будущее входят в настоящее в качестве моментов последнего. Если рассматривать реальные образы жизни человеков в аспекте времени, можно выделить следующую схему: предобщество ограничивает социальное существование настоящим; общество включает в него прошлое и живёт по преимуществу для прошлого; сверхобщество расширяет его до будущего. Сверхобщество владеет социальным будущим до такой степени, что само является таким будущим, оно, как выражается Зиновьев, «захватило будущее в качестве основного трофея победоносной холодной войны». Оно владеет будущим в том смысле, что закрывает будущее как открытый и свободный резервуар для социального творчества; именно из такого анализа социальной эволюции Зиновьев выводил фактор понимания как последнее оружие идеального коммуниста, направленное против законов социальности.

Поражение коммунистического лагеря и крах советского государства явились трагедией и вызовом Зиновьеву – и как человеку, потому что речь шла об обществе, которому он принадлежал, и как учёному, который посвятил себя его познанию и духовному вычищению. Непосредственным ответом на него и явился его последний роман «Глобальный человек». Трагедию он видел не в том, что

проиграла коммунистическая сторона; он впоследствии даже высказывался в том духе, что, если бы победил коммунистический блок, то исход для человечества мог бы быть еще хуже. И не в том, что восторжествовал Запад, он никогда не сводил Запад и западные страны к западнизму как социальной системе и сам, если рассуждать в рамках привычного для нас противостояния западников и славянофилов, был ярко выраженным западником, он даже предполагал, что возможная действенная социальная альтернатива западнизму возникнет скорее всего именно на Западе. И не в том даже, что в свете намечившейся перспективы Россия и русский народ окажутся вытесненными из истории, оболганными и даже обреченными на исчезновение, что было для него невыносимой личной болью («Запад мне не чужой, но я рассматриваю его как вражескую державу» [2]). Трагичным прежде всего и в самом глубоком смысле он считал сам факт исчезновения другой (альтернативной) линии социальной эволюции, ибо западнизм и коммунизм в своём противостоянии взаимно сдерживали друг друга и оказывали взаимное конвергентное влияние. Так на многие века вперёд определилось будущее человечества как формирующегося глобального общества, которое на самом деле не может стать ничем иным как мировым господством Запада и западнизма. В нём для укрепления и условия своего господства на смену человеческому уму придёт (уже начал приходиться) компьютерский интеллект, творческий компонент социальной жизни заменится механическим. «Наступает состояние социомеханического бытия» [9, 515]. Это общество состоявшегося будущего Зиновьев назвал глобальным человеиником.

Суть социологии Зиновьева, как и заключенный в ней освободительный гуманистический пафос, хорошо выразил тонкий знаток его творчества К.М. Кантор: «Выяснив с достоверностью, не вызывающей сомнения, что социальная система как таковая и “коммунистическая”, как сгущенная до предела социальность, враждебна человеку, поскольку он стремится к самоосуществлению, Александр Зиновьев приходит к поразительному открытию, подтвержденному его жизненным опытом, как и опытом многих других выдающихся и “обыкновенных” людей: одна из основных тенденций коммунистического образа жизни – “завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от коммун”» [10].

Список литературы

1. Гусейнов А.А., Зиновьев А.А. «Я есть суверенное государство» // Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 332–368.

2. Газета «Завтра», 1993, № 2.
3. *Зиновьев А.А.* В преддверии мая // https://vtorayaliteratura.com/pdf/zinovjev_v_preddverii_maya_1979__ocr.pdf
4. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 1997. 459 с.
5. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Алгоритм, 2021. 352 с.
6. *Зиновьев А.А.* Светлое будущее. https://vtoraya-literatura.com/pdf/zinovjev_svetloe_budushchee_1978__ocr.pdf . 232 с.
7. *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Эксмо, 2007. 512 с.
8. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 640 с.
9. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. 528 с.
10. *Кантор К.М.* Путь к цивилизации – каков он? // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002. С. 262–272.